

силы и нормализации обстановки на железной дороге края способствовал перевод летом 1933 г. военнообязанных рабочих и служащих Забайкальской и Томской дорог на положение состоящих в рядах РКК. Формами пополнения, комплектования кадров железнодорожного транспорта были найм, организованный набор, партийная, комсомольская и профсоюзная мобилизация.

Значительно расширился круг железнодорожных специальностей, где применялся женский труд. Пополнение молодежью положительно влияло на качественный состав транспортников. Для привлечения рабочих на железнодорожный транспорт НКПС, государственные органы уделяли максимум внимания оплате труда и улучшению культурно-бытовых условий железнодорожников. Для нормализации работы сибирского транспорта улучшилось снабжение железнодорожников; строительство жилья; премирование железнодорожников было в основном натуральным; поднималась номинальная и реальная заработная плата; вырос уровень бытового и культурно-технического обслуживания железнодорожников и их семей. Строились новые культурно-просветительные учреждения, спортивные сооружения, железнодорожные школы, кооперативные дома; создавались свиноводческие, животноводческие фермы. Возросли возможности удовлетворения материальных и культурных потребностей железнодорожников.

В результате реализации комплекса мер — административных, экономических, политико-воспитательных, железнодорожникам Восточной Сибири улучшили свою работу, увеличили общие показатели. По плану третьей пятилетки намечался дальнейший подъем транспорта. В 1930–1940-е гг. была создана хорошая материально-техническая база для производства, повысились профессиональная и общеобразовательная подготовка, культурный уровень железнодорожников.

Т.В. ЗАХАРОВА

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ГОРНОГО АЛТАЯ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ*

В первые годы советской власти одной из наиболее острых проблем в Горном Алтае была продовольственная, поскольку население большинства волостей голодало. Например, в Успенской волости в начале 1920 г. голодало три четверти населения, причем половине из них необ-

* Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-01-61104 а/Т.

ходимо было оказать немедленную помощь. Две трети населения Чемальской волости не имели хлеба (КПДА РА, ф.Р-5, оп.1, д.156, л.41–42). Значительный недостаток хлеба ощущался также в Уймонской волости, где в особенно трудном положении оказалось алтайское население. Председатель созданного еще партизанами Уймонского райисполкома писал в Бийский уездный центр, что в Уймонском районе существует «необходимость нового устройства тех калмык (т.е. алтайцев), которые оставались на местах, и тех, которые будут возвращаться. У них потеряно все, что давало возможность существования, начиная со скота и кончая одеждой и предметами домашнего обихода. Волей-неволей придется будущей гражданской власти...создать для инородцев...такие условия, чтобы не было массового уничтожения этого народа от голода и холода» (ЦХАФАК, ф.9, оп.1, д.256, л.52). Так же неудовлетворительно обстояло дело и в Кош-Агаче. Побывавший там летом 1920 г. член Горно-Алтайского оргбюро РКП (б) А. Иванов сообщал, что «население всего района ограблено, сидит без хлеба, соли, без одежды, постройки сожжены» (КПДА РА, ф.Р-9, оп.1, д.17, л.48).

В этой ситуации революционные комитеты взяли на себя решение проблем, связанных со снабжением и питанием населения. При этом ревкомы и продовольственные органы особое внимание обращали на снабжение алтайского населения, потому что для него проблема хлеба становилась проблемой выживания. Именно в силу этого для Горного Алтая уменьшались и разверсточные задания. В сложной ситуации 8 января 1919 г. Бийский продовольственный комитет направил в распоряжение Улалинского райревкома 449 пудов пшеничной муки, 100 пудов соли, 1 ящик чая. Бийский уездный ревком, в свою очередь, издал приказ об обмолоте хлеба в степных волостях и его отправке в разоренные районы Горного Алтая. Нужда в хлебе удовлетворялась и за счет поволостного перераспределения продуктов. Принятые меры были своевременными, но недостаточными.

Всю специфику и круг решаемых проблем как нельзя лучше отражает отчет за 1920 г. Горно-Алтайского районного ревкома в Бийский уездный ревком, из которого следует, что Горный Алтай в силу ряда обстоятельств оказался предоставлен самому себе. Горно-Алтайский ревком был неудовлетворен отсутствием помощи из Бийска.

Вследствие такого невнимательного и безразличного отношения Бийского ревкома к Горному Алтаю, последний остался без денег, хлеба, семян, чая, спичек, мануфактуры, соли, сахара. Если регион из перечисленных продуктов и товаров что-либо и получал, то их хватало на половину запланированного для потребления срока. А между тем руководству на местах было известно, что Бийск получал и имел достаточное количество финансов, продуктов питания, чая, сахара. Такое отношение Бийуревкома к нуждам Горного Алтая вызывало недовольство на-

селения, причем это недовольство переходило в недоверие к политике советской власти (*Горный Алтай: история социального развития первой половины XX века. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2007. С. 31*).

К 1921 г. крестьянские хозяйства области практически не имели запасов продовольствия, до минимума сократилось поголовье скота. Чтобы хоть как-то стабилизировать ситуацию 9 февраля 1921 г. уездный ревком создал чрезвычайную комиссию, которая должна была организовать питание «30 000 голодающего инородческого населения», переводя его на больничный паек. В этой связи предполагалось производить раздачу продовольствия с привлечением в мобилизационном порядке русского населения, а также прибегать к помощи населения при выпечке и доставке хлеба. Одновременно с раздачей продовольствия намечалась культурно-просветительская работа, способствовавшая укреплению Советов в Горном Алтае.

Однако общий недостаток хлеба и продуктов питания свел акцию лишь до оказания экстренной продовольственной помощи голодающему алтайскому населению.

10 февраля 1921 г. Горно-Алтайское оргбюро РКП (б) и уездный ревком приняли решение о проведении «Недели помощи инородцу». В этой связи 9 апреля 1921 г. Горно-Алтайский ревком издал распоряжение, в котором предлагал Туектинскому и другим волревкомам «ввиду отсутствия продовольственного хлеба на складе заготпункта в Алтайском отпустить инородцам вашей волости продовольственного хлеба по норме на один месяц из полученных вами запасов путем распределения» (*Болдуйев А.А. Горный Алтай в период военного коммунизма // Вопросы истории Горного Алтая. Вып. 1. Горно-Алтайск, 1979. С. 90*), причем в инструкции давалось знать, что ревкомам необходимо принять самые экстренные меры по снабжению инородцев продовольствием на будущее (*Гончарова О.А. Горный Алтай: история народной медицины и здравоохранения. Томск: Изд-во Томского университета, 2008. С. 83*).

Несмотря на принятые меры, в 1923 г. Ойротская автономная область была признана остро нуждающейся, поскольку в области были фактически голодающие районы. На заседании созданной при облисполкоме комиссии по ликвидации последствий голода в Горном Алтае (Последгол) в срочном порядке было решено «признать волости Чибитскую (общества: Кынгырарское, Едринское и Чибит-Курайское), Шебалинскую, Лебедскую, Успенскую, Чемальскую, Чергинскую (частично), Салдамскую и Туектинскую остро нуждающимися и оказать помощь, размер которой определить по получении денег из Бийскгосбанка и закупке хлеба. Ввиду того, что область центром признана остро нуждающейся и ввиду того, что в настоящее время в области есть фактически голодающие районы, от шефства над Самарской губернией и Башкирской Республикой отказаться. Командировать за получением денег т.

Чусова и поручить ему закупку хлеба в г. Бийске...» (КПДА РА, ф. Р-33, оп.6, д.8, л.5).

Анализируя доклады о положении в голодающих районах области, Последгол постановил «отпустить Усть-Канской волости возвратную, беспроцентную ссуду в 500 пудов; поручить областной крестьянской секции заключить с волостью договор на возврат ссуды в два срока — октябрь 1923 г. и октябрь 1924 г.; отпустить возвратные беспроцентные ссуды на тех же основаниях, что и Усть-Канской волости:

- Уймонской волости 300 пудов;
- Кош-Агачской волости 200 пудов;
- Песчаной волости 100 пудов;
- озеро Куреевской волости 100 пудов;
- Чергинской волости 50 пудов;
- Ыныргинской волости 100 пудов и безвозвратную ссуду детским и инвалидным домам 100 пудов.

Поручить областной крестьянской секции закупить для удовлетворения голодающих 1500 пудов хлеба, для чего из средств Последгола отпустить 90 000 р. ... Все выданные продукты зачислить в счет возвратной ссуды по договорам 2 года» (Там же, л. 7). Из года в год местные органы власти пытались хоть как-то стабилизировать ситуацию. Так Успенский аймакисполком в 1929 г., решая проблему снабжения населения хлебом, постановил:

«По всей потребительской системе и Госторгу установить следующий порядок распределения хлеба: тарифицированному населению, батракам и беднякам выдавать по 16 кг взрослым и по 8 кг подросткам до 16 лет. Бедняцкое население с недостаточной тягловой силой снабжать для временной поддержки на время распутицы по 19 кг на взрослого и по 8 кг на подростка. Бедняцкой части в коллективах оказать особую помощь в хлебе на весеннюю посевкомпанию. Предложить кооперативным организациям прекратить выдачу как по кооперативным паям, так и другим формам. Предложить комитетам взаимопомощи дать списки потребительским обществам бедняков, нуждающихся в хлебе, обсудив эти списки на бедняцких собраниях. Служащим, имеющим середняцкое хозяйство и тягловую силу, хлеб давать только на главу хозяйства — служащего, членам же семьи не отпускать» (Там же, д.233, л.33). Недостающее количество хлеба алтайское население было вынуждено компенсировать сырчиком, чегенем и другими продуктами переработки молока.

Таким образом, в первые годы советской власти в Горном Алтае наблюдались большие сложности в питании населения. Общие трудности усугубила гражданская война, которая расшатала хозяйства русского и алтайского населения. Уменьшились посевные площади, сократилось поголовье скота, наступил резкий спад в обеспечении населения продо-

вольствием. Подобные трудности имели место и в последующие годы, а их разрешение затянулось еще на десятилетия.

Ю.Г. ЗЛЫГОСТЕВА

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РПЦ И РЕГИОНАЛЬНОЙ ВЛАСТИ В БУРЯТИИ (КОНЕЦ 1930-х–1980-е гг.): К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

История государственно-церковных отношений в советский период представляет собой важную научную проблему, интерес к которой значительно активизировался в последние годы. Это объясняется, в первую очередь, осознанием уникальности опыта существования и выживания РПЦ в условиях антирелигиозного государства и коммунистического режима.

Современное общество пытается наиболее эффективно выстроить взаимоотношения церкви и власти, учитывая при этом имеющийся исторический опыт и, в том числе, советскую модель отделения церкви от государства. При этом воссоздание объективной картины религиозной жизни в стране требует широкого привлечения регионального материала, непредвзятого анализа проблем взаимоотношений между церковью и местными властными структурами.

К концу 1930-х гг. преобразования в социально-экономической, политической и идеологических сферах нашли свое отражение в формировании взаимоотношений церкви, общества и власти. В 1936 г. была принята Конституция СССР, согласно которой декларировался принцип отделения церкви от государства и школы от церкви в целях обеспечения за гражданами свободы совести. В феврале 1938 г. на пленуме Центрального Совета Союза Воинствующих Безбожников (СВБ) была разработана программа активизации антирелигиозной деятельности. При этом, как отмечает большинство современных исследователей, к концу 1930-х гг. наступление на церковь не принесло ожидаемой победы над религией. Административно-репрессивные меры, проводимые органами власти, не привели к уничтожению православного сознания.

Не стала исключением в этом процессе и Бурят-Монгольская АССР, где исторически общество формировалось как поликонфессиональное. При этом в 1917 г. самой крупной и многочисленной конфессией по количеству верующих было православие. Так, православных культовых зданий насчитывалось 154, количество верующих составляло 83 234 человек (*Цыремпилова И.С. Религия и власть в Республике Бурятия: история взаимоотношений (1917–1940 гг.). Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2000. С. 34–35*). А уже к началу 1940-х гг. все православные церкви были